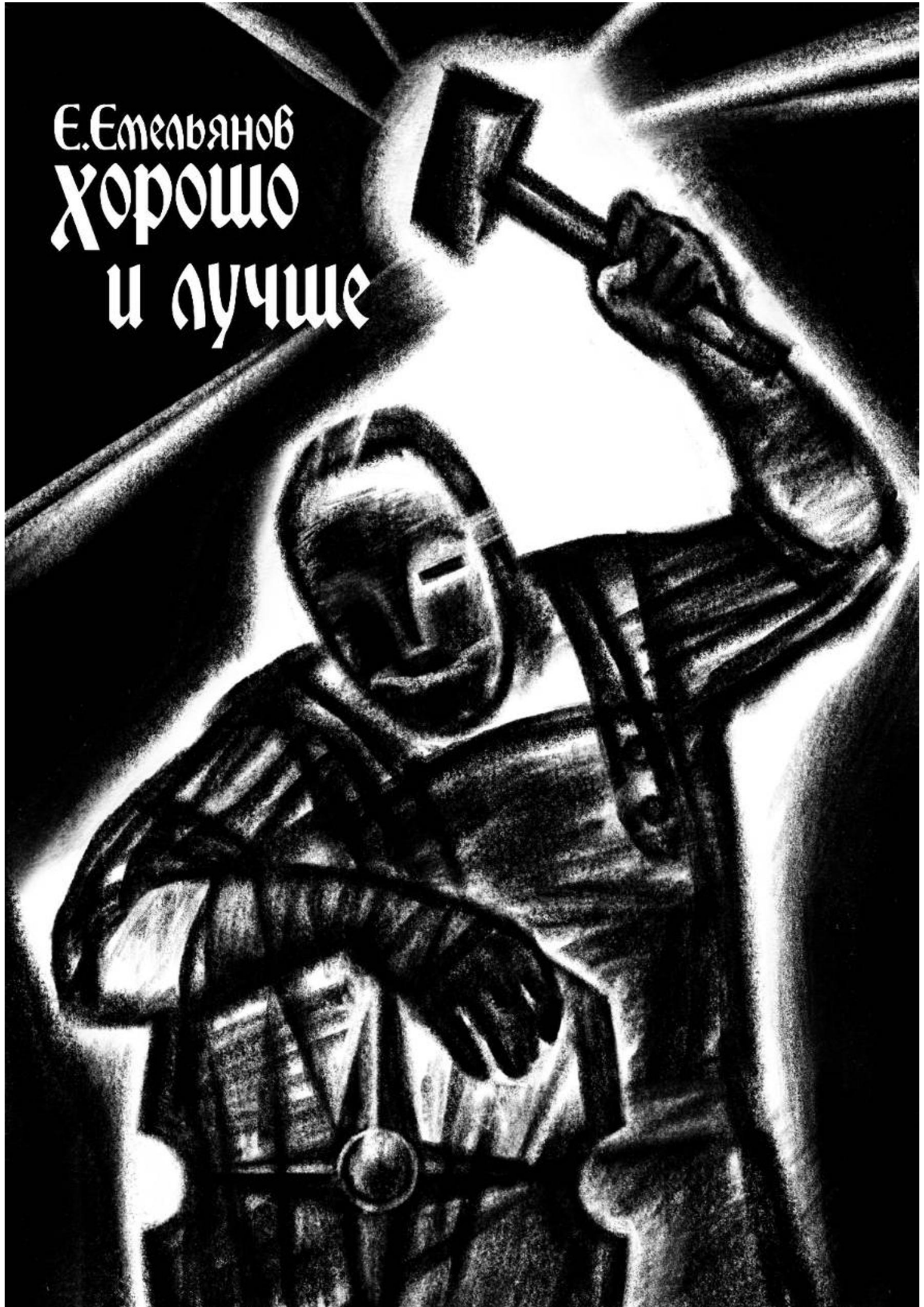

Е.Емельянов
**Хорошо
и лучше**

Егор Емельянов

Хорошо и лучше

«Автор»

2026

Емельянов Е.

Хорошо и лучше / Е. Емельянов — «Автор», 2026

Некоторые люди рождены для безнадежной войны. Двадцать лет Рэнальф возглавляет отряд налетчиков, ведет давно проигранную войну против Железной империи, ползая на брюхе по горам и утопая в болотах. Двадцать лет терпеливой, осторожной борьбы, незаметной контрабанды "особенных детей" на север, в руки Высокого Короля и его таинственных советников. Двадцать лет легендарный наёмник Финн Герцог пытается жить мирной жизнью, притворяется кузнецом в деревне на северной окраине. Один плохой день, и вот его семья разрушена, его жизнь в руинах. Но жизнь продолжается, и всё может однажды и станет лучше, пусть хорошо уже не станет никогда. Так он думал, пока их с Рэнальфом пути не пересеклись самым роковым образом. И каждый имеет к другому неоплаченный долг.

© Емельянов Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. На проигравшей стороне	5
Глава 2. Враг хорошего	15
Глава 3. Свободная страна	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Егор Емельянов

Хорошо и лучше

Глава 1. На проигравшей стороне

В отряде у Рэнальфа было семнадцать человек, и где-то шесть из них точно желали ему скорой смерти. Не потому даже, что за последние несколько суток они прошли и через Охранные Пики, и через Граничный Лес без отдыха. И не потому, что сидят они на морозе уже несколько часов, с промокшими от снега ногами и без возможности развести костёр. Пока сам Рэнальф шёл с ними бок о бок и терпел те же лишения, всё прощалось.

В тот момент у самого Рэнальфа уже борода начала инеем покрываться, и в брюхе два дня как пусто. Пока шагаешь оно ещё ничего, но сидеть и ждать – тяжело. Двадцать лет он уже по горам бегает, считай большую часть жизни, а всё равно погано это, не привыкнешь.

Но смерти Рэнальфа желали не замёрзшие, и не голодные, а те, кто хотел занять его место. Вождь клана – это звучит почётно. Даже если весь их клан это лишь те самые голодные да продрогшие семнадцать оборванцев.

На претендентов Рэнальф обиды не держал – сам когда-то сидел на их месте, и уверен был, что сделает лучше, что сделает как надо. Казалось ему, что вождь их только плохие решения и может принимать. В сущности, так оно и было, только тогда Рэнальф ещё не знал, что у вождя выбор есть только между плохими да очень плохими вариантами. И сидеть второй день подряд на окраине Граничного Леса, до костей мёрзнуть да пустым брюхом урчать – однозначно плохое решение. Но другие варианты ещё хуже.

Отчасти в узде людей держал пришлый шаур. Как и все из их народа, лысый да бледный, точно снег, с повязкой на глазах, с копьём, босыми ногами спокойно по снегу ходящий – жуткая штука. Приткнулся этот шаур к ним почти год назад. Просто вышел на них, оглядел, и сказал, что хочет с Рэнальфом ходить, под его командованием, и приказы с тех пор исполнял исправно. Не то чтобы Рэнальф много приказов ему давал – просто на всякий случай, мало ли чего у этих слепых выроdkов на уме.

Широкоплечий Бернар присел рядом, на ту же поваленную сосну. Лысый, рожа — как у сырого куска глины, нос за всю жизнь ломаный-переломанный, а сам здоровый как медведь, широкоплечий. Из-за вида многие Бернара недооценивают, за дуболома держат. Отчасти потому, что Рэнальф в своё время не допустил такой ошибки, он теперь и вождь. Отчасти.

Разговора Бернар первым не начинал, вроде как просто сел рядом, без намёка. «А что, и сесть рядом с тобой уже нельзя?» – спросил бы он, вздумай Рэнальф ему что-то по этому поводу высказать. Но он не высказывал, тоже молчал, хотя присутствие товарища его и дёргало. Хочет рядом посидеть? Пусть сидит. Они тут все – свободные люди, за это по лесам да оврагам и мёрзнут уже который год.

Нарушил молчание первым Бернар:

— Если торчать тут будем, как бельмо на глазу, то дождёмся компании, — из-под мехового плаща бывалый воин извлёк флягу, отвинтил крышку, сделал глоток, второй, вытряс оставшиеся капли в распахнутый рот, и только потом продолжил. — Раз брательник твой в срок не пришёл, то уже и не появится.

— Появится, — отсёк Рэнальф. — Всегда появлялся.

— А сейчас вот взял, и не смог. Приболел может, или ещё какая неприятность. Всё ж не молодой он уже.

Всякому понятно, о какой такой «неприятности» он толкует. Мог бы и прямо сказать.

— А ты торопишься куда-то? — Рэнальф говорил спокойно, чтобы все вокруг слышали, как он спокоен и уверен в себе. — Или предлагаешь с пустыми руками вернуться?

— Не такими уж и пустыми.

Бернар кивнул за спину, но Рэнальф не обернулся. И так знал, кто там сидит, в стекло закованный, с глазищами этими своими безумными. По-хорошему то надо было ошейник из стекла с него снять, а то уж больно заказчик на эти штуки нервно реагирует и хмурится грозно. Но пошёл он. Сам пусть тогда эти штуки собирает и сам с ними возится. Пусть хоть в обнимку с ними спит, если ему того захочется, если только Рэнальфа и его людей рядом нет.

Бернар ждал ответа, хотя вопроса так и не задал. Пришлось ответить:

— Мы четверых обычно приводим, или даже пять-шесть за раз. А тут один. Высокий Король не в восторге будет.

— А ещё мы о твоём брате говорим, да, Рэнальф?

— И это тоже. Брат мне вместо отца был, в одиночку меня вырастил, человеком сделал. Один лишний день подождём – не переломится никто.

Разговор их прервал имперский горн. Таким имперские легионеры сигналы на поле битвы дают – его звуки Рэнальф бы из тысячи узнал, на всю жизнь запомнил. Но в этот раз это был не сигнал и не призыв к сражению – просто обозначили присутствие.

— Вот сейчас может и переломимся, — тихо проворчал Бернар, так, чтобы никто, кроме Рэнальфа не слышал. Разумный всё же человек, потому и пережил уже четырёх вождей, да и пятого, чего уж там, он тоже скорее всего переживёт.

Остальные засуетились, поднялись, отряхнулись, сразу давай за топоры и прочее железо хвататься. Ну как же, имперцы сами на убой подъехали – как тут не почувствовать приятный огонёк в груди. Воодушевились, впрочем, не все – некоторые встали напряжённо, не разговаривали и не шутили. Этих Рэнальф запомнил, сделал себе мысленно пометку каждого по возможности вторым рядом ставить, побережь. Шаур, как и обычно, сидел невозмутимо и на нервы этим действовал сильнее, чем потенциальные бунтовщики.

Сам Рэнальф встал спокойно, без спешки, развернул подозрную трубу, поискал источник шума. Нашёл без труда: трое всадников, приближались тихой рысью, уверенно. Разведчики, судя по виду да снаряжению. Уж больно спокойные, у Граничного-то леса, да столь малым числом – имперские шавки при таких раскладах только в одном случае хвосты не поджимают.

— Думаешь, ещё где-то прячутся? — спросил Рэнальф у Бернара, убирая трубу.

— Всяко не без этого, — взглядом бывалый вояка показал на группу холмов справа. — Я бы лично там несколько всадников разместил, чтоб по сигналу мигом примчались. Ещё группу спешить, в тыл нам завести по широкой дуге – тоже дело разумное. Ну и командир легионский мог городские власти напрячь, собрать городских мужиков с луками, по округе их раскидать и нас потом с леса выманить, им на радость. Это что первое в голову приходит.

Всадники, меж тем, приблизились достаточно близко, остановились. Спешились.

— Разговоров хотят, — кивнул Рэнальф.

— Или вождя первым делом без суеты порезать, — пожал плечами Бернар, засовывая свой топор за пояс, но так, чтобы в случае необходимости быстро выхватить.

— Или так, да, — Рэнальф тоже поправил перевязь с мечом, поднял с земли свой круглый щит с клановым знаком – отпечатком медвежьей лапы. — Сходишь со мной?

— Отчего ж не сходить, — Бернар ухмыльнулся, затянул на левой руке свой щит, такой же по сути, но без герба. — Ходить-то оно всяко теплее будет, чем тут сидеть, жопу морозить.

Вдвоём они и пошли. Коли действительно ловушка, то всем кланом там помирать и не зачем, а если действительно разговор – так воины хоть на храбрость вождя посмотрят. Разумно? Более чем. Но всё равно от страха желудок сводит, точно кишки узлом завязал кто-то, и пальцы на ногах будто ещё холоднее стали, вот-вот сами отвалятся. За столько лет уж можно было и привыкнуть, а поди ж ты, всё как в первый раз.

— Дёргаешься? — спросил Бернар.

— Мёрзну скорее. И жрать хочу. Уж если убивать будут, то хорошо бы поскорее.

— Сам себе дурак, — Бернар покачал головой, ну ни дать ни взять разочарованный папенька. — Вчера вечером ж грибов пожарили, чего не ел?

— Я грибы не ем. Чудные они.

— Это ты, вождь, чудной, а грибы нормальные были, не ядовитые.

— Ядовитые, не ядовитые, они все для меня странные. И вкус у них ещё этот.

— Нормальный у них вкус, — Бернар, казалось, не на шутку обиделся за честь грибов. — Грибной.

— Грибной — это который? Вот у оленя мясо, у кролика тоже. Рыба ещё вот есть, тоже понятно. Помидоры или картоха – овощи, яблоко – фрукт. А грибы это что такое?

— Грибы – это грибы.

— Скользкое какое-то растение. И вкус у них скользкий.

— Потому что это не растение.

— Вот и я про то.

Так и шли. Стало полегче.

— Ты, вождь, вот иногда как дитё малое, ну честное слово. У меня младшему в прошлый наш заход домой двенадцать было, вот он такой же в еде капризный.

— Когда мне двенадцать было, там война началась. Почти сразу же – осада столицы. Там я был не капризный.

— И грибы ел?

— Вот их даже тогда и пальцем не трогал.

Когда с легионерами сблизилась достаточно, получилось и рассмотреть их хорошенько, а в особенности главного: при шубе, в шапке меховой, в кирасе начищенной. И лицо знакомое, северное лицо. Лицо предателя.

— Добра тебе, Бернар, — приветствовал их Элвуд широкой улыбкой, весь теперь в имперском снаряжении, сытый да довольный. — И тебе, Рэнальф. За старшего ты теперь?

— Уже четыре года как.

— И всё по горам бегаешь? — ухмылка предателя стала ещё шире.

— Ты будто не бегаешь, — огрызнулся Рэнальф. — Разве что теперь с ошейником да на поводке.

Слова эти явно не задели бывшего горца. Тот лишь пожал плечами:

— Ну так и вы бы шли лучше к нам. Ошейники не ошейники, а кормят под железным крылом императора славно, благо тот сам когда-то воякой был, и легионы свои уважает. Даже если на всю империю одна краюха хлеба только и останется, её легионам отпишут.

Выглядел Элвуд и правда вполне сытым, разросся в ширь, раздобыл. Раньше злой был, как собака, и такой же словоохотливый, а теперь глядите какой лощёный. Родные края продал за миску похлёбки, и скалится. Два других легионера тоже, судя по лицам, набирались из местных, ладно хоть не из свободных людей. Чего на корову пенять, что она через загоны не ломится?

— Мы, Элвуд, лучше при своём останемся, что истинно наше. Железо целовать не всякому по душе.

— Знаю я, что тут ваше, — предатель хитро сощурился. — Контрабандой промышляете? Слышал я, детишек кто-то через границу таскает, да не абы каких. Уж не вы ли часом?

— Холодно стоять, — заговорил вдруг Бернар. — Ноги мёрзнут, и хер того и гляди отважится. Давай ты, Элвуд, скажешь, сколько хочешь, а мы скажем, что ты совесть потерял и сойдёмся на половине.

— Сколько я хочу – у вас столько нет.

Рэнальф фыркнул:

— Испытай нас.

Бывший горец почесал шевелюру под шапкой, щёлкнул языком:

— Два золотых кольца.

Совести у него действительно не было.

Рэнальф, нырнув рукой под плащ и вытащив оттуда горсть колец. Отсчитал два золотых, швырнул прямо в удивлению жирную харю.

— На, подавись.

Поймав кольца, имперский офицер посмотрел на них пристально, попробовал на зуб, фыркнул.

— Надо было четыре просить, — сказал он.

— Судьбу-то не испытывай, — посоветовал наглецу Бернар. — Получил своё? Ну вот и езжай дальше. Дел у имперского офицера должно быть неупрощение.

— Спиной только к товарищам новым не поворачивайся, — напутствовал Элвуда и Рэнальф. — Два золотых кольца на троих плохо делится, а вот на двоих-то в самый раз.

Элвуд лишь насмешливо фыркнул. Но когда легионеры все ж таки оседлали коней да уехали, держался позади всех.

— Мог же и одно кольцо отдать, — сказал Бернар, когда вымогатели отъехали на достаточное расстояние.

— Не переживай, второе из своей доли взял. В общаг руку не засовываю.

— Да дело ж не в этом.

— Я знаю, — Рэнальф вздохнул. — Захотел я вот так.

— Твои деньги, — Бернар пожал плечами. — Может паскуда продажная вина сегодня накупит вдоволь, и утонет в нем на радостях.

— Было бы хорошо.

— Ага. Он ведь, сегодня если не помрёт, завтра ещё раз приедет нас проведать, и запросит не меньше первого. Хватит уже, Рэнальф, подождали и будет. Уходим.

Правильно всё Бернар говорил. И кольцо действительно можно было лишь одно кинуть, Эдвуд и тем бы удовольствовался, да и ждать больше как будто бы смысла не было – не приедет больше брат. Всё правильные слова.

— До вечера ждите, — Рэнальф бросил взгляд на холмы к югу, куда уезжали легионеры и где, чуть дальше по дороге, был город. — Я схожу ненадолго, жарчки нам прикуплю.

— Людей своих накормить хочешь, вождь? Или о брате своём расспрашивать?

Не проведёшь его, этого Бернара. Рэнальф отдал оружие ему, на сохранность, и лишь после этого ответил:

— Одно другому не помеха.

Когда-то давно Рэнальф приходил в город с братом: на ярмарку, чтобы помочь по работе, а потом и вместе с ним на войну. Город каждый раз был немного разный, менялся то в одну сторону, то в другую, но всегда оставался родным. Теперь же город год от года оставался неизменным, каждый раз совершенно чужим. Может потому, что теперь он захаживает сюда без Ирвина. А может потому, что город стал имперским.

На первый взгляд нового при имперском правлении появилось как будто не много, и многое будто бы даже стало лучше. Мощёные дороги, двухэтажное здание лекаря, расширенная торговая площадь, да выросшие вдвое рынок, целая школа и маленькая церковь, где кормят бедняков – появилось хорошее, и не мало. Но у жителей при этом не осталось ничего своего. Всё, что делало их горцами, любые особенности и мелочи их жизни – вымывалось подчистую.

Вывески – исключительно на имперском, и голоса на рынке – тоже все как один ворочают железный язык. У церкви толпятся праздные горожане в яркой, чистой одежде. А вот капище, хоть и не снесли его пока, практически пустует. В других городах, к югу, чуть ближе к старой

границе, Рэнальф видел такое уже много раз: скоро градоправитель скажет, что капище никому не нужно, что оно занимает важное и ценное место. Идолы предков однажды исчезнут, и лишь горстке стариков будет до этого дело. Вскоре не станет и этих людей – время столь же сурово, как и империя.

Лучшие дома в городе – у людей с оливковой кожей. Такие редко работают сами, за них спины гнёт некогда гордый народ северных гор, заискивающе улыбаясь, отвешивая глубокие поклоны. Кто не прислуга – тот охрана, с лицом каменным, мёртвым.

Лишь несколько горцев держат себя с южанами за равных, хотя и горцами их назвать язык не повернётся. Разодетые как имперские курицы, с жалкими тощими бородками на их, южный, манер, и на железном языке говорят легко, без акцента. То и дело по груди водят пальцами, осеняя себя знаком Единого, южного Бога. И знак, и молитвы используют в разы чаще, чем сами имперцы.

Рэнальф подошёл к группе детей, хотел спросить дорогу до трактира, хотя и сам знал путь прекрасно. Но дети разбежались в страхе ещё до того, как он успел задать им вопрос. Лет двадцать назад обступили бы путешественника, сами утопили бы того в вопросах, предложили бы показать город и лучших девок за пару железных колец. Когда остановил парня постарше, тот будто удивился разговору с незнакомцем, но хотя бы дорогу указал.

— Не брешешь? — спросил его Рэнальф.

— Да зачем мне, — ответил парень.

Раньше бы провёл пальцем по закрытому глазу, сверху вниз – «пусть боги заберут мой взгляд, коли я солгал». Молодёжь так уже не делает. Многие и самого жеста не знают.

А ещё раньше по улицам города свободный человек мог ходить спокойно. Сейчас же по улицам ходила ещё и городская стража, всегда по двое, и лицом будто они этой дорогой владеют.

— Ты, дикарь, из этих что ли, из непокорных? — спросил один такой имперский стражник.

Второй порылся рукой под плащом Рэнальфа, в поисках то ли оружия спрятанного, то ли просто ожидая найти повод для взятки. Ничего не нашли и разошлись.

— Вали давай с нашего пути, грязь талая. И в городе тоже давай не задерживайся, а то вонюю своей пропитаешь тут всё.

— И думаешь учудить чего, мы тебя на суку вздёрнем, воронов покормить, понял?

— Коли тебе, свинья, в Империи нашей не нравится, вот и вали тогда за Граничный лес. Сидите в горах своих смиренно, и глядишь не заметим вас.

— А на нашей земле веди себя, как приличный человек, понял?

А потом они ушли, так и не получив заслуженного ответа. Пусть болтают, от их слов всё равно только воздух портится.

Ирвин раньше любил говорить маленькому Рэнальфу, что, возвращаясь в города, где был в детстве, невольно ищешь там самого себя. Может, для Ирвина это и было правдой, но сам Рэнальф себя в этом городе не искал. Он искал своего старшего брата, настоящего горца, воина севера. И в этот раз особенно остро чувствовал, что в таком городе его точно нет.

Держателем трактира был одним из тех имперских горцев, что и лицо родного отца уже, наверное, позабыл. На стенах у него не шкуры – картины, а в кружках не медовуха, но разбавленное вино. В главном зале больше не поют победные песни и не ломится длинный стол от даров, а только сидят кучками вокруг круглых столиков шуплые торгаши, да считают шёпотом прибыток.

Хоть какой-то север можно было только в девках с разносами разглядеть – там каждая была в горские наряды обряженная, только броско как-то, нарочито. Да и наряды эти были не настоящие, выглядели только таковыми на первый, неопытный взгляд. В платьях таких раньше порядочная девушка замуж выходила, в таком виде ее отец жениху передавал из отчего дома.

Только платье тогда в пол было, а не до колена, и вышивка была не такой яркой да бессмысленной, а узор семейного древа повторяла. Сверху шаль полагалась – шею прикрыть, и это при том, что в нормальном платье такого выреза никогда не бывало, конечно. Не северное платье, не горское. А честь народа, выставленная на продажу, и за два серебряных кольца купленная.

Одна из девок дёрнулась было Рэнальфа усадить куда да на его взгляд наткнулась, посекалась, и обратно в свой загончик в углу поужалась, к остальным потаскухам. Рэнальф усадил себя сам, за столик в углу, где и спина прикрыта, и вход всегда перед глазами.

— Заказывай или выметайся, дикарь, — обратился к нему хозяин.

Вот вам и обычаи гостеприимства.

— Медовухи, — спокойно потребовал Рэнальф.

Вскоре одна из девок поставила перед ним кружку с элем. Рэнальф смерил трактирщика медленным взглядом, а после достал связку колец, расплатился. Неспешно потягивая горький напиток, Рэнальф осмотрелся и увидел много знакомых лиц. Торговцы и лавочники, крестьяне с соседских деревень, что, должно быть, привезли в город урожай на продажу, несколько ремесленников из городских гильдий. Все держатся своих, сбились в маленькие группы, с чужими, считай, и не общаются – такие времена. Многих из этих людей Рэнальф знал ещё с детства, пусть даже некоторые сейчас с ним и взглядом пересекаться не хотят.

Брат в город бочки возил, но с гильдией бондарей не знался – тех спрашивать бесполезно. Сходяв отлить, Рэнальф перекинулся словом с торговцами. Один из них покупал в своё время у Ирвина бочки, но не видел его уже три года, теперь закупался дороже у гильдии – был не шибко этим доволен, но более ничего сказать не мог.

Тогда Рэнальф дошёл до трактирщика, попросил ещё выпивки, да горячей еды, и припасов в дорогу. Кинул кольца на прилавок – сильно больше нужного, и тут-то хозяин и заулыбался, порозовел даже, разве что не хрюкнул от радости. Кому империя по нраву, тем только деньги и подавай, и с деньгами они любому рады. Про Ирвина он, впрочем, ничего не знал:

— Бывало, покупал у старика бочки, но давненько его не видывал. Может, возраст своё забрал, не делает больше товара, вот и не ездит к нам. А может и Создателю душу отдал, кто знает, — бывший северянин осенил себя знаком имперского бога. — Сам-то чего спрашиваешь? Взял бы да проведаль.

В ответ Рэнальф кивнул, забрал с прилавка полную кружку медовухи, уселся на прежнее место. Сохранял спокойствие, нервно стучал пальцами по столу. По всему выходило, что в городе Ирвина не видели примерно три года – тогда же Рэнальф забрал у него последнюю партию товара.

Они проворачивали всё это годами, ничего не меняя, так как оно всё работало. Контрабандисты или караваны бродяжников собирали по всей империи так называемых «особых детей», сковывали их стеклом и привозили на границу, сдавали всех Ирвину. Тот держал их в Граничном лесу, в старом домишке лесорубов, с защитой от особо любопытных, а раз в три года прятал весь улов по бочкам да ехал якобы в город. Встречались в условленный день и в оговорённом месте, и дальше уже доставкой занимался Рэнальф, тащил этих жутких ребятшек подальше в горы, к ногам Высокого Короля. Тот на деньги не скупился, но и другими дарами свою благосклонность выражать не стеснялся. С его лёгкой руки у свободных кланов Низкогорья теперь был шанс вернуть свои земли обратно.

Если Ирвина в округе три года уже как не видали, могло случиться худшее. Контрабандистов в Железной Империи не жаловали, но вот тех, кто с инженерами якшается, считали уже за врагов всего человеческого, и хуже преступления на имперских землях просто не было. Тут каждый провинившийся должен был служить для всех ужасающим примером. Рэнальф однажды видел, как женщину казнили за то, что собственную дочь не хотела выдавать. Казнь была долгой, и специально для этого дела вызвали мастера из столицы, большого знатока в

этом деле. Оказывается, человек и на второй день ещё может в себе силы находить на громкие крики.

От мысли, что Ирвин мог пережить что-то подобное, мороз бежал по коже. Первый порыв – с отрядом дойти до той деревни на окраине Граничного леса, где старший брат обосновался годы назад, узнать всё на месте. Вот только отряд свободных горцев, явившихся провести деревенского старосту, едва ли останется незамеченным, прикрытие Ирвина будет раскрыто. Да и дозоры имперских легионов в тех местах кишат, как черви на трупе. Слишком много риска, старший брат бы Рэнальфу подзатыльник отвесил только даже за то, что он такую глупость подумал.

Но боги всегда благоволят людям дела, умеющим не спешить. К тому моменту, как сытый Рэнальф неспешно добивал третью кружку эля, в трактир заявился хромоногий кузнец со своим сыном, доставили разный товар: топоры, подсвечники, вилы, жестяные кружки да тарелки и прочее подобное.

По лицу сразу видно выходца из Эриндаля, кому, видать, дома не сиделось, тесно было, вот он и пожаловал, куда не звали. Длинные рукава кузнеца не могли спрятать серьёзные ожоги – видимо не большого умения мастер, потому с родины и подался, думал, видать, что на севере и такой кузнец сгодиться. Сын его так и вовсе был однорукий. Впрочем, для того, кто вынужден был обходиться одной левой, парнишка оказался весьма проворен.

В деревне, где обосновался Ирвин, лет двадцать назад появился кузнец с обожжёнными руками. Старшему брату тот сразу не понравился, и не потому даже, что эрин приезжий, и не за неприветливый нрав. Не смутило Ирвина и то, что кузнец из иноземца был паршивый, неопытный какой-то, хоть парень вроде был и не молодой. Тревожило старшего брата другое:

— Опасный он, — так он сказал. — Как собака, что без цепи дрыхнет. Видно, что ему топор в руке держать привычнее, чем его сделать.

— Солдат? Офицер легиона?

Железный император любил чужие земли раздавать как награду для своих старых, верных псов. Много их теперь тут таких.

— Нет, не из солдатских он. И не бандит. Для наёмника уж больно нищий. Спящий пёс, как он есть – пока не разбудишь, не узнаешь.

Наверняка это он был – не может же по Низкогорью двое таких бегать. Да и присмотришься – сразу видно, о чем Ирвин тогда говорил. Даже хромая, держался кузнец собранно, и такого если ударишь, то мигом в ответ прилетит, ещё до того как он сам осознает произошедшее. Как зашёл – мигом всю комнату оглядел, словно поле боя прикинул. Да и с трактирщиком когда встал беседовать, повернулся так, чтобы вход на виду держать, ладонь в пояс упёр – словно привычно было руку на обухе топора держать, или на рукояти меча, и хоть оружия в тот момент на поясе больше нет, но привычка осталась. Сильная, видать, привычка, раз за двадцать лет не выветрилась.

Неспешно, без суеты, Рэнальф подошёл к прилавку трактирщика, попросил у хозяина ещё одну кружку. Кивнул кузнецу:

— Ты же не местный, да?

Тот сразу напрягся, хотя и до этого был не сказать, что расслабленный. Ну оно и понятно – эрину в этих краях всегда лучше ухо остро держать. Не приживаются что-то в горах жители равнин, часто падают с большой высоты.

— Из деревни поблизости, — отозвался кузнец спокойно, не поворачивая головы.

Когда вернулся однорукий парнишка, отец его кивком показал на дверь. Приказал коротко:

— Снаружи меня подожди.

— Всё в порядке?

Нехороший взгляд у парнишки, острый. Не часто такой у калеки встретишь, смирные они обычно. А этот в отца пошёл.

— Я скоро буду. Ни с кем не заговаривай, от телеги не отходи.

Лишь когда его сын ушёл, кузнец повернулся к Рэнальфу, цепким взглядом осмотрел и лицо, и одежду. Ну, Рэнальф и не скрывал особо кто он такой да чем промышляет, загадки из себя не делал.

— Бунтовщики? — спросил всё же кузнец для верности.

— Вольные кланы, — поправил его Рэнальф.

Ремесленник лишь пожал плечами – ему эти тонкости явно были безразличны. Его право.

— Меня Рэнальф звать.

Протянутую руку кузнец проигнорировал.

— Финн.

В этот момент трактирщик вернулся с оплатой, положил перед мастером на прилавок связку имперских колец. Тот взял, не пересчитывая, собрался уходить. Рэнальф ему руку на плечо положил, придержал тихонько:

— Погодь немного, кузнец Финн.

Он повернулся, миролюбиво поднял руки, демонстрируя пустые ладони:

— Я не ищу приключений.

— Я их и не предлагаю. Я предлагаю эль.

Кузнец Финн сделал медленный вдох, явно размышляя. Для него Рэнальф, наверное, выглядел пьяным бунтовщиком, с которым не понятно как лучше: грубо уйти или ласково уважить на минуту-другую.

— Просто так?

— Угощение, — подтвердил Рэнальф, и в доказательство своих слов подвинул кружку в сторону собеседника.

— С чего вдруг горец решил эрина угостить?

— Вольный народ может поступать вольно.

— И волен, я полагаю, принять отказ за оскорбление?

Рэнальф улыбнулся.

— Это просто эль. И пара вопросов.

Финн слегка кивнул, взял кружку, и Рэнальф смог вблизи рассмотреть его изувеченную ожогами руку. Зрелище не из приятных, конечно. Отхлебнув два больших глотка, кузнец сам вдруг задал вопрос:

— Про Ирвина спросить хочешь? Старосту деревенского, что бочки делал?

Рэнальфу стоило немалых трудов, чтобы сохранить спокойное выражение лица.

— С чего ты так решил?

— Не гвозди да подковы же ты собрался со мной обсуждать. А что Ирвин с бунтовщиками знается и контрабандой выродков через границу возит, то уже не секрет.

Внутри Рэнальфа будто пустота образовалась, и в этой пустоте что-то упало, глухо стукнулось о самое дно. «Не секрет». «Бунтовщики», «выродки», «контрабанда». В имперских землях только один исход может быть.

— Что... — в горле у Рэнальфа стало сухо, слова выталкивать пришлось. — Что с ним стало?

— Последняя Стража, — Финн сделал ещё один спокойный глоток. — Гвозди, недолгий разговор, пламя.

— Он мучился?

— Недолго. Не кричал, не говорил с ними. Быстрая, достойная смерть.

На самом деле Рэнальф знал, подозревал что-то такое, был практически уверен ещё когда Ирвин не встретил их в условленном месте. Просто надеялся. Мало ли что случилось. Всё, что угодно могло случиться, всякое бывает.

Трактирщик грел уши на их беседу, пряча ухмылку. Торгаши за ближайшим столиком сидели, довольные, пили своё вино, и парочка поглядывает в его сторону. Слышали, должно быть. Продолжают пить.

— Мой брат на войну ушёл много лет назад, пошёл за Южный Предел, – сказал Финн, подвигая полупустую кружку ближе к Рэнальфу. — Не вернулся. От него уже давно нет никаких вестей, и я знаю, что это означает. Но не знаю наверняка. Думаю, по конечному счёту, что знать наверняка – это всё же лучше.

Рэнальф кивнул, сделал глоток. Пальцы крепко сжимали кружку, заметно дрожали. Кузнец Финн отошёл, оставил на прилавке пару колец – цена кружки эля. Сам по итогу Рэнальфа угостил. Потом кузнец помолчал немного, вроде как из уважения, и ушёл.

Обратной дороги Рэнальф не помнил. Как-то вышел из трактира, потом вышел из города, двигался будто сам по себе. Была мысль, что приятна всё же горная свежесть, и была мысль про то, что приятна возможность побыть в одиночестве.

Шёл Рэнальф быстрым шагом.

Голова наполнилась воспоминаниями. Как Ирвин учил его топор держать, одежду латать, да как с девчонками разговаривать надо. Вспомнилось, как они на рыбалку вместе ходили, и Рэнальф поскользнулся на иле, весь промок, а старший брат смеялся над ним, но не злобно. Вместе потом у огня грелись, одежду сушили. И дом вместе строили новый, когда Рэнальф из соседней деревни жену себе привёз. И вместе строй держали, когда легионы императора пришли чужое требовать, и Высокий Король клич по всем кланам кинул. В сложные моменты Рэнальф всегда в первую очередь думал, что бы его старший брат сказал, что бы посоветовал сделать.

Старший брат был человеком разумным и практичным, и именно благодаря ему молодой Рэнальф и дожил до конца проигранной войны. Ирвин, будь он жив и рядом, наверняка бы сказал, что месть – это забава для дураков. И что вождю негоже подставлять головы своих людей под удар ради личных счётов. Надо идти в горы, встретится с Высоким Королём, сдать последнего выродка и получить награду – это для начала, это то, что разумно. Ирвин бы много чего умного и правильного мог сказать, если бы не был теперь мёртв.

Бернар и люди Рэнальфа были именно там, где он их и оставил, в целости и сохранности. Разве что у одного из тех, кто в последние дни раздумывал к имперцам переметнуться, глаз был подбит. Восемнадцать крепких, вооружённых людей – на одну деревню вполне хватит, даже если шаура в стороне оставить.

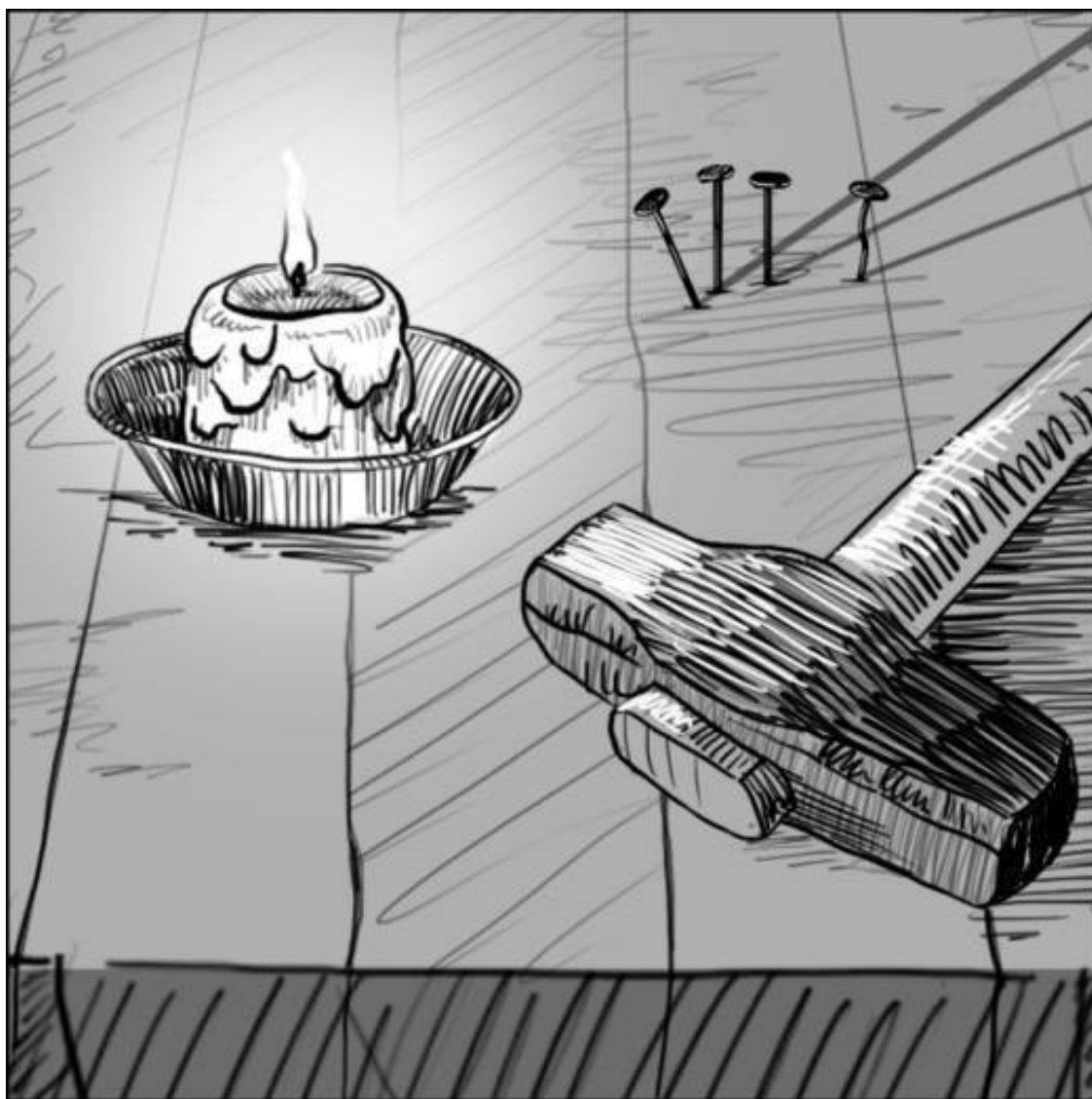
— Убедился? — спросил Бернар, возвращая своему вождю оружие. — Легион?

— Последняя стража.

— Донесли, стало быть, – кивнул верный товарищ. — Эти на окраины, в такую-то даль, сами собой не ездят, позвал кто-то. Нам бы тоже, стало быть, не мешало поостеречься, с нашим-то ценным грузом, который чем раньше сбросим, тем скорее выдохнем. Будем к границе двигать?

Бернар не командует, и с советами никогда не лезет. Но намекает, когда надо. Хитрый.

— Обождёт граница, — Рэнальф замер на мгновение, чтобы прочувствовать приятный вес топора в руке. — По долгам для начала рассчитаемся.

Глава 2. Враг хорошего

Когда у него родился сын, все обещали Финну, что будет тяжело, но со временем станет легче. И так оно и вышло. Никто, впрочем, не обещал ему, что однажды станет легко, и в этом была маленькая хитрость, потому что легко так и не стало. Но да, год за годом становилось проще.

Сначала ему было даже страшно просто взять сына на руки. Его предупредили, что первые месяцы нужно всегда поддерживать эту маленькую голову, что целиком умещалась на ладони, и каждый раз он боялся об этом забыть. Когда маленький Оливер начал делать первые шаги, то это было, конечно, радостное событие, но Финна съедала тревога. Куда его сын зайдёт этими маленькими, неуверенными шажочками? Было гораздо проще следить за ним, когда он не мог уйти, не мог самостоятельно открыть дверь, не мог взять острое.

С дочерью всё было иначе. В воспитании мальчика Финн мог ориентироваться на себя, на собственного младшего брата и как с ними обращался их отец. Мог вспомнить своего командира, наверное. Но дочка – совсем другое дело. Стоит ли научить её как правильно сжимать кулак? Сказать ударить в ответ, когда её обижают?

Хорошо, что для таких вопросов у Финна была жена. Хорошая женщина, хотя близки они так и не стали, лишь некая привязанность появилась с годами, да понимание другого человека. Почти забылось, что она не хотела идти за него. Никто не хотел, поэтому он мог выбирать любую. Жителям деревни рядом с шахтой очень был нужен кузнец, ей был нужен муж, а её отцу – приданное от бывшего наёмника. Все оказались в выигрыше. Финн не знал, что было нужно в этих краях ему, но иногда тоже чувствовал себя победителем. Иногда нет.

Какое-то время он искал место, чтобы спрятаться от всего, но кажется, таких мест в мире уже и не осталось. Куда не пойдёшь, кругом лежит прошлое. Даже здесь.

Сын мельника, например, что принёс мешок утром: Финн знает, что у того бледная метка на спине – знак Монетной чумы. В какой-то момент такая была у каждого четвёртого человека в мире, сейчас вроде у каждого десятого. За это все они могут поблагодарить Финна, пусть даже и не знают об этом.

У каждого в семье есть история о кровавой войне, когда империя хотела забрать себе Короновы горы, да подавилась на середине пути – и здесь тоже лежит рука Финна. Не он начал войну, конечно, но с его помощью она стала такой, что её никогда не забудут.

В Воре́йских княжествах на северо-востоке, и на самом севере, за Белым морем, в Олдленде, уже второй десяток лет люди режут друг друга почём зря – и здесь не обошлось без Финна Герцога, самого отчаянного наёмника в банде Безземельного Короля. Да даже то, что так называемые вольные кланы до сих пор мёрзнут по лесам да горам, и устраивают набеги на пограничные поселения – тоже его заслуга.

В конечном счёте, Финн просто нашёл место, где остановиться. Это не хорошо, но это лучше, чем бродяжничать по всему миру и транжирить остатки добычи. Честный труд, хорошая жена, дом, соседи, дети. Со временем и жена, и соседи привыкли к тому, что Финн родился в Эриндале, а не в Хэйденскальде. Со временем Финн стал думать, что и он к этому однажды привыкнет.

Они какое-то время пытались быть семьёй, вышло как-то неуклюже. Без чей-то вины, просто так вышло. Потом они перестали пытаться, просто жили вместе, и жили неплохо, как товарищи с большим, общим делом. Она не вздрагивала, когда он касался её кожи своими обожжёнными пальцами. Смеялась, вспоминая их хорошие моменты.

Когда недобитые со времён войны головорезы устроили набег на их деревню, и Финн остался без жены, жить стало труднее. Ему было стыдно, что он почувствовал облегчение.

Отцы семейств стали заходить к нему через год после этого. Просто приходили в гости, приводили с собой дочерей, приносили еду и выпивку, какие-то небольшие подарки. Всё сделано руками молчаливых дочерей. Кузнец в деревне это хорошая партия. Даже если кузнец эрин, с калечной ногой и руками в ожогах. Отец бывшей жены тоже приходил – у него были ещё дочери. Девушек, понятное дело, никто не спрашивал, и они просто молчали, не хотели идти за него. Никто не хотел, поэтому он мог выбирать любую.

Новой жены Финн так и не взял. Раз в неделю заходил в гости к вдове одного из шахтёров, что ушёл на войну сразу после свадьбы, да так и не вернулся. Она тоже так и не вышла больше замуж, жила одна даже когда Финн только появился в их краях. Зарабатывала шитьём. Зарабатывала мало – в каждом доме были свои женщины, было кому шить. Её дом разваливался на глазах, глаза всегда оставались полуприкрыты. Финн подлатал в её доме крышу, сделал новый порог, починил печь, ещё там были какие-то мелочи без счёта – всегда была причина зайти. С её глазами он сделать ничего не мог, потому и не пытался. Она не вздрагивала, когда он касался её своими обожжёнными пальцами – этого довольно.

Со временем малыш Оливер вырос, стал помогать по хозяйству, стал помогать с маленькой Абби. Стало действительно лучше. Стало как-то... обычно. Каждый день как прошлый, и примерно понятно, что и куда идёт. Было даже почти хорошо, пока не перестало.

Финн мог бы свалить вину на Последнюю Стражу, ведь до их прихода всё было нормально, и совсем не так – после. Часть вины точно была за ним – как отец, он привык к этому. Но после нескольких лет размышлений, имея двух считай что взрослых детей под своей крышей, он стал видеть в произошедшем что-то неизбежное. Теперь Финн искренне считал, что Создатель посылает нам детей в качестве испытания, ну либо чтобы наказать. Дети – это всегда ты, но в то же время, каким-то непостижимым образом, они твоя полная противоположность, и обе эти крайности мучительны одинаково.

Оливер был таким же бедовым, как и все мужчины в их роду. Едва исполнилось шестнадцать лет, едва весна за окном наметилась, зажурчала – уже стал собирать вещи в дорогу, стать Последним Стражем, как всегда и хотел. Даже то, что случилось, не смогло поколебать его веру.

— Когда мы поедem? — его первые слова с утра.

Его первые слова за последнюю неделю.

— Скоро, — Финн сел за стол. — Сперва нужно поесть.

Сын был недоволен, но всё же сел за стол. Избалован, не понимает своего счастья, не знает настоящего голода. Горячая еда в начале дня – хорошее настроение на весь день. Не то чтобы, впрочем, в их доме было много хорошего настроения, с горячей едой или без неё. Оливер оставался угрюмым даже когда Абби поставила кастрюлю на стол и стала разливать кашу по тарелкам. Может, стоило быть с ним поостроже?

Отец Финна был строг с ними, в гневе не сдерживал руки, а гневался он часто. Оливеру ни разу даже по уху не прилетало, и он теперь считает, что так оно и надо, что весь мир таков, как у них дома. Точнее, наверное, считал, пока Стражи не пришли и мальчик не потерял руку. «Проявил себя с лучшей стороны, показал истинный героизм и силу духа, внёс решающий вклад в...». Когда маленький Финн в детстве проявил героизм, защитил мать и брата, отец избил его так, что он потом не мог стоять несколько дней и частично оглох на правое ухо. Получил правильный урок насчёт героизма. И много других уроков.

С таким отцом всегда было ясно, что делать. Вырасти, выжить, приспособиться. Научиться по шагам определять, плохой сегодня день у отца, или наконец-то хороший, и на предметы вокруг смотреть как на источник боли, иметь предпочтения. Лишь позже, в двенадцать лет, он научился видеть мир вокруг как оружие. Научился ждать правильного момента, быть терпеливым. Набираться силы, пока тот слабеет, и однажды победить. Финн не хотел, чтобы его дети смотрели на него также.

Финн ел кашу в задумчивости, бездумным привычным жестом время от времени промокая кусочком ткани вспотевший лоб. Ему всегда немного жарко, даже если посреди зимы в сугроб прыгнуть, всё равно будет потом истекать. Вспоминая о Монетной чуме, Финн не жаловался, приспособился со временем: пил больше воды, всегда носил с собой кусочек ткани, во время еды клал его рядом с тарелкой.

Вкусно, Абби готовила не хуже матери. И ей уже четырнадцать, а значит можно отдавать девочку замуж, сделать чей-то чужой проблемой. Может готовить, может убирать, может делать всё, что нужно, пока не нужно выходить из дома. Едва ли кто-то позарится, даже с приданным от кузнеца. Покорная, для некоторых людей это может быть даже хорошо. Очень покорная. Больше не кричит, не говорит и слова против, не сопротивляется, не убегает – просто замирает на месте и дрожит как последний осенний лист. Определённым людям такое по душе.

Будет жить с отцом. Есть участи и похуже для них обоих.

Может быть ей станет лучше, когда брат уедет из дома? У Финна была мысль выгнать парня ещё два года назад, особенно когда тот наловчился орудовать лишь одной рукой, перестал быть беспомощным. Выбирать между детьми – самое трудное, что когда-либо приходилось делать.

Оливер бы не пропал один, Финн в этом не сомневался. Но лучше бы точно не стало никому – Финн тоже в своё время не пропал, даже с младшим братом на спине, и, как со стороны посмотреть, так оно всё даже хорошо сложилось. Денег заработал, руки-ноги на месте, ещё и имя себе сделал, многие помнят.

Ели все трое молча. Простая еда, простой дом, дети, одинаковые дни – всё как он и хотел. Насмешка над тем, как он всё это представлял. В когда Оливер уедет – станет лучше. Все трое это знали, все они этого ждали, просто никто не говорил об этом вслух.

Абби на брата и не смотрела, до сих пор не могла. Он же на неё привык смотреть спокойно, потерял всякое чувство вины за эти годы. Умеет приспосабливаться, выживать, пошёл в отца. Тоже умеет находить эту тишину внутри, держаться за неё, противопоставляя шуму снаружи.

Вот только сам Финн все свои грехи помнил и от них не отказывался, а парнишка идёт совсем другой дорогой. Финн за всю жизнь видел людей, которые отказываются принимать поражение – самые опасные люди в мире. Одного из таких до сих пор помнят многие, помнят, наверное, вообще все.

Оливер закончил завтракать первый, пошёл снаряжать телегу. Ему явно тоже не терпелось поскорее уйти из этого дома, и на Абби он за всё утро так и не посмотрел. Мог посмотреть, просто решил сегодня этого не делать. Не вина, но сожаление.

— Меня не будет три дня, — напутствовал Финн дочь. — Еды тебе должно хватить с запасом. Дверь никому не открывай. И... ты и так всё знаешь.

Она кивнула. Голоса не потеряла, могла говорить, но в то утро решила этого не делать. Финн очень надеялся, что ей станет лучше, когда Оливер уедет.

— Я вернусь. Не переживай.

Хотел обнять свою дочь, но не стал – теперь её пугали подобные вещи, и он не хотел её пугать. Кивнул ей, и она кивнула в ответ.

На выходе Финн подумал взять с собой свой старый щит, из прочного металла, проверенный в деле. Пограничные земли сменили уже третьего наместника, а на дорогах безопаснее так и не стало. Но щит кто-то мог и узнать, начать задавать вопросы. В итоге Финн взял с собой как оружие лишь кузнечный молот.

Пока они с Оливером выезжали из деревни, соседи провожали их взглядами. Некоторые, в основном женщины, желали будущему Стражу удачи или здоровья, и он принимал пожелания с улыбкой, отвечал что-то вежливое. Скорее всего, соседи тоже вздохнут сегодня с облегчением, так как не придётся больше рядом жить с настоящим героем, человеком без compro-

миссов, готовым платить любую цену. Рядом с таким тревожно даже тем, кто никаких законов не нарушил. Но в тот момент они махали ему на прощание, и Оливер махал им в ответ, благодарил за тёплые слова и пожелания, и всё это ощущалось так же, как и их милый семейный завтрак. Когда ворота деревни закрылись позади них, Финн вздохнул с облегчением.

До города день пути, и если всё пойдёт как надо, они развезут все товары до вечера, успеют доехать до трактира на выезде. Кровати больше, чем в городских постоялых дворах, еда куда как более свежая, порции больше, а цена при этом ниже почти что вдвое. Придётся немного проехать в темноте, но это того стоит.

Дорога успокаивала, позволяла отвлечься. Некогда думать о своей жизни, когда думаешь о том, как объехать яму на дороге или вспоминаешь ориентир для нужного поворота. Ещё хорошая возможность последний раз поговорить с сыном, сказать важное, но Финн не знал, что сказать. Оливер начал разговор первым:

— Почему ты не сказал мне, что был на войне?

Финн вздохнул, не хотел отвечать. Чуть потянул вожжи левее, объехал очередную яму – дороги в последние годы совсем пришли в негодность. Вопрос висел в воздухе.

— Потому что не хотел. Это моя жизнь.

— А я твой сын. Ты должен был мне сказать.

— Нет, не должен.

Оливер фыркнул.

— Без разницы, я всё равно узнал. Дядя Бартл ушёл за Южный Предел с Безземельным Королём, а значит и ты был среди Рыцарей Эриндаля.

— Это лишь догадки.

— Ты Финн Герцог?

Каждый раз, слыша это прозвище, Финн чувствовал, будто его кожу покрывает доспех. Но не из металла. Глупые шутки, похабные песни, отчаянные выходки – вот его настоящая броня из тех лет, из прошлой жизни. Сначала отец, а потом и банда беспризорников научили его, что жизнь – это борьба. Но для победы не обязательно быть самым сильным, достаточно просто готовности на большие жертвы. Для победы можно не иметь большой силы, но добрать бесстрашием, отчаянием, иной раз безумием. Или быть, например, самым жестоким. Самым безжалостным.

— Нет, я не он.

Финн всегда был хорош в умении приспособиться, к любому окружению. В рядах наёмников он был самым куражным из них, самым дерзким и бесстрашным, и те уважали его за это. До того он успел побыть и хорошим да старательным сыном кузнеца. А ещё хитрым да безжалостным главарём налётчиков, идеалистом и борцом за свободу, не прощающим ошибок. А какие он, босоногий мальчуган, умел когда-то делать слезливые глаза, как плохо и потому очень жалостливо пел военные песни.

Теперь же он терпеливый и заботливый отец, но это тоже броня. Иногда Финну было любопытно, каким он будет, оставшись в одиночестве, с необходимостью приспособиться к самому себе. Может быть, в соседней деревне найдётся хороший муж для Абби? Кто-то, кто редко бывает дома, как вариант, торговец там или моряк?

Спустя время, Оливер задал новый вопрос:

— Почему ты не научил меня владеть мечом?

Поездка обещалась быть долгой и очень не лёгкой.

— Наш сосед, Мёрдок, тебя научил. Я видел, довольно неплохо.

— Ты научил бы лучше?

Финну вспомнилось, как его отец был большим любителем трубки. Даже когда у него начался кашель, и доктор запретил старому кузнецу курить, тот всё равно посылал Финна и

Бартла за табаком. Странно было отца травить, даже по его просьбе. Смерть свою, впрочем, старик получил не от курева.

— Мёрдок тебя, однорукого, учил с мечом и щитом драться, просто без щита. Так он сам умеет, так он привык, не знает иного, да и негде ему было узнать. Дерётся он хорошо, учит тоже неплохо. Но тебе лучше у фехтовальщиков Ардии поучиться, они одну руку используют, с лёгким мечом. Увидишь такого – попроси показать что-нибудь. Их сразу видно, они боком к противнику стоят, чтобы меньшую площадь защищать надо было.

— И это всё? — Оливер звучал разочарованно.

Это больше, чем нужно. Когда они с Бартлом покупали отцу табак, то просили лавочника отмерить немного меньше, и часть выданных денег забирали себе. Деньги, впрочем, детям лучшего в королевстве кузнеца были не нужны, водились они в их карманах и без обмана.

— Этого хватит.

На этом дорожные разговоры и закончились. Со своим собственным отцом Финн не разговаривал, не в привычном понимании этого слова уж точно. Отец был горазд давать указания, и говорил, к примеру, что и как делать, чтобы сковать гвозди, подкову, кастрюлю, а потом и что посложнее, меч там или нагрудник. Но вот именно разговоров у них никогда не получалось. Впрочем, хорошенько набравшись после сдачи хорошего заказа, старик любил посидеть вместе с Финном и с кружкой хмельного. Жаловался на жизнь, заказчиков, цены на металл, жену, младшего сына, а чуть позже и на короля да налоги.

Первый отцовский разговор у Финна получился, наверное, только с Безземельным Королём. Последнюю точку, впрочем, они с главарём поставили ровно также, как и когда-то с отцом – ударом кулака по лицу. Но разговоры эти редкие были славными. Сейчас бы ещё только вспомнить, о чём они были, и что именно там Браудер рассказывал. Хотя, если подумать, он будто бы больше всё же спрашивал, интересовался «как оно на самом деле».

— Ты будешь скучать? — спросил Финн у сына. Глупый, конечно, вопрос, но других в голову не лезло.

— Буду конечно.

— Ты как оно на самом деле отвечай, не как надо. Как надо я и без тебя знаю.

Оливер скривил задумчиво моську, потешный. Потом сказал:

— Как на самом деле будет не знаю. Наверное, нет всё же.

— Нет так нет, — пожал плечами Финн. — Это нормально. Я тоже по дому не скучал. Большую часть дней.

— Вернуться не хотелось?

— Да там некуда было уже возвращаться. Но я бы и так не захотел. Ушёл и ушёл.

— Я бы хотел вернуться, — сказал Оливер. — В тот день. Ну когда Стражи у нас дома были, и арбалет... Я бы не выстрелил.

Финн привычным движением утёр пот со лба.

— Было и было, — сказал он сыну.

Вот и поговорили. Как все дороги ведут в Лайткорт, так все их разговоры сворачивали к тому проклятому вечеру. Там они, как правило, и заканчивались, потому что про это разговаривать сил уже никаких не было, да и сказать там ничего было нельзя, а всё другие темы сразу начинали казаться попытками это «запретной» темы избежать. Иногда, конечно, забудешься, начнёшь говорить что-то с воодушевлением, как сам Финн иногда забывает про травмированную ногу и ступает на неё беспечно, после чего кривится от боли.

Они прибыли в город без задержек, к заходу солнца развезли все заказы. Оливер активно помогал разносить товары, одной рукой орудуя на равных с самим Финном или с прислугой, если у заказчика имелась таковая. О помощи или поблажках не просил, и никто их ему не предлагал.

Последним на очереди был трактир в центре, и вот в нём пришлось задержаться: один из местных головорезов стал выпытывать у Финна, что стало с Ирвином, некогда деревенским старостой. Сам горец выглядел устало, потрёпанно, но с этим характерным вызовом в глазах. Давай, мол, подходи, скажи мне хоть слово. Всё никак не могут они признать своё поражение в войне, которая закончилась так давно, что некоторые из бунтовщиков ещё под стол ходили. Такие могут и за один взгляд косой наброситься, хотя этот вроде вёл себя смирно, можно даже сказать, сдержанно – не иначе как один из лидеров. У шумной толпы вожак всегда спокоен.

То, что староста Ирвин с мятежниками дела обстряпывал, теперь-то уж не секрет, конечно, как и то, что это были за дела. Где Последняя Стража по доносу проедет, там полыхает ярко, сложно не заметить, а с предателями рода людского у них разговор короткий.

Впрочем, для Финна дела старого Ирвина никогда особым секретом и не были – все ж сам не один год контрабандой промышлял, и как бывалый моряк по первому ветру скажет о скором прибытии шторма, так и Финн сразу почуял тёмные дела. Последил, проверил, убедился и донос тот злосчастный написал. Хотел, чтобы дети его в безопасном месте росли, не впутались по незнанию, не оказались случайно между молотом и наковальней. Ирония того, что случилось после, иной раз кажется почти забавной, Финн Герцог хохотал бы во всё горло уж точно.

В самой деревне по старосте никто особо не скучал, ну, или вслух симпатий не проявлял точно. Разумная предосторожность. Даже хотели Финна новым старостой сделать, всё ж кузнец, представитель уважаемой профессии, да и человек с военным опытом. Грамотный к тому же. Один из немногих, стало быть, кто в деревне может письмо написать, ну, или донос какой например. Такого лучше уважить, отдать почётное место, если вдруг ему такое надобно, если вдруг ради этого всё затевалось.

Вряд ли хоть кто-то знал наверняка, но подозревали несомненно многие. От должности старосты Финн отказался, и старостой назначили пьяницу Мёрдока – тому дело иметь на пользу пошло, сразу пить бросил, на человека стал похож. Но всё равно то странный был выбор, конечно.

К тому моменту, как со всеми заказами было покончено, уже почти стемнело, и поздно стало ехать в выбранную гостиницу за городом. Разумнее было бы остановиться на ночлег в трактире, куда заказ привезли, под одной крышей с горцем из вольных кланов, что про Ирвина спрашивал. Это если чутье своё не слушать, на здравый смысл лишь один полагаться. Финн и Оливер в итоге поехали по ночной дороге, к тому трактиру, куда собирались изначально.

Как от города отъехали, Финн назад потянулся, передал сыну свёрток. Тот развернул сразу же, даже спасибо не сказал, ну да ладно. Внутри был меч, Финн сам его выковал. С третьей попытки получилось – в шахтёрской деревне на мечи спрос не богатый, его прямо-то сказать и не было вовсе, так что получилось не сразу – с прошлого раза уж пятнадцать лет прошло.

Да и прошлый раз по-хорошему считать-то тоже не стоило бы, так как работать пришлось с зачарованным металлом, невесомым практически, и бесконечно тёмным. Металл тот был хоть и прочный до крайности, но ни на один известный Финну состав был не похож и вёл себя при работе странно. Как будто сам хотел стать мечом. Тут же с обычным металлом пришлось работать, упрямым, капризным, не самого опять же лучшего качества.

Результат не идеальный, но хоть как-то приемлемо, отец бы Финну за такую работу по уху вдарил. Очень похоже, кстати, на тот чародейский меч получилось, даже пропорции такие же – короткий и узкий клинок, простая гарда. Тогда металла было мало, а в этот раз – умения. Но для однорукого парня оно, наверное, в самый раз, и очень на клинки островных фехтовальщиков похоже.

Оливеру меч просто нравился. Какой есть – такой и хорошо. Забылся даже на какое-то время, начал разговор:

— А если разбойники на нас в ночной темноте нападут, ты тоже драться не будешь?

— Разбойники обычно просто так не нападают, не дураки же они просто так рисковать. Стрелами из кустов нас положат, из засады, ну либо попробуют угрозами деньги забрать.

— И ты отдашь?

— Я деньги тремя отдельными связками храню. Одна на поясе, две спрятаны. Ту, что на поясе – отдам.

Разбойники им так и не встретились. Но только добравшись по ночной дороге, до постоянного двора, Финн отпустил лежащий рядом с ним кузнечный молот, закинул его в телегу. Комната с двумя кроватями и остывший ужин стоили столько же, сколько и всегда, а рукопожатие у хозяина было такое же крепкое. Говорили, что владелец тут сотрудничает с вольными кланами, даёт им укрытие и припасы – Финну это было безразлично. Покуда цены честные, и честное же отношение – пусть хоть с вырожденками якшается, удачи ему с этим.

На завтрак был свежий, душистый хлеб с сыром и куриное яйцо. Жена хозяина угостила Оливера печёным яблоком – тот смутился, но отказываться не стал. Так вроде взрослый уже, а иной раз присмотришься – дитя ещё на самом-то деле.

Остаток пути до замка Последней Стражи прошёл спокойно. Если тут когда и водились настолько отчаянные дураки, чтобы пытаться разбойничать, Стражи их всех перевешали шустро, и сейчас даже одного висельника вдоль дороги не встретилось. А вот довольных селян – сколько угодно. Жить под таким большим да железным крылом желающих всегда было в избытке, а что сына могут в Стражи по праву собственности забрать, так то дело наживное. Сыновей у сытого пахаря всегда в избытке. Больше, чем у кузнеца.

Оливер большую часть дороги молчал, и Финну стоило бы радоваться, что у того иссякли вопросы, но в тишине дорога делалась тягостной, долгой. Лишь под самый конец он вдруг спросил:

— Почему они прозвали тебя Герцог?

По всей видимости, сын не очень-то поверил Финну, когда тот сказал, что не является тем самым прославленным наёмником. Почему-то никто не верил.

— Когда твой дедушка умер..., когда много кто в Эриндале умер, это мало кому понравилось. Мне и моему дяде Бартлу в том числе. Сначала мы просто молча это проглотили, не до того нам было, перебивались как могли. Потом пакостили по-мелочи тут и там, как и все вокруг. А потом... Ну, а потом перестали.

— Почему?

Дети и их вопросы. Очень хотелось Финну ответить, что он ответит позже, когда Оливер подрастёт, да только сын уже подросток, и никакого «позже» у них может уже и не быть.

— Да потому что. Я не знаю. Сейчас бы я так не сделал.

— Продолжил бы терпеть и пакостить?

— Тоже нет. Что-то другое бы сделал, подумал бы головой. С петлёй на шее бы точно не оказался.

— Вас поймали?

— Можно и так сказать. Мы в каком-то смысле сами поймались, глупость сделали по молодости лет. Тогда казалось, что не то чтобы ошибки у нас быть не может, но что ошибка эта не может быть серьёзной, окончательной. Даже если будет плохо, то всё в итоге будет хорошо.

— Так ведь так оно и оказалось, получается? Вы с дядей Бартлом не умерли, это хорошо.

— Это... Ну, это не плохо было, в моменте. Пока петлю на шею не повязали.

— И как вы выкрутились? Что именно случилось? — Оливер весь вперёд подался, даже меч свой отложил.

Ему действительно было интересно. Так же, как самому Финну было интересно в его годы такие истории послушать от своего старика, и даже раньше. Когда они последний раз вот так беседовали с Оливером? Точно было такое, но сложно вспомнить год.

— Я тебе так скажу: если через год не помрёшь, то заезжай в отчий дом, погости немного. И я тебе расскажу, чем дело кончилось, и как я своё прозвище получил. Договорились?

Оливер серьёзно кивнул, провёл пальцем по глазу, сверху вниз, и Финн почувствовал напряжение в уголках собственных губ. А потом сын спрыгнул с телеги, подхватил единственной рукой и меч, и котомку с вещами, и пошёл к замку, быстро так, не оборачиваясь.

Финн раскурил трубку, посмотрел издали, как мальчик его говорит о чём-то со стражником у ворот, показывает своё «приглашение», показывает умение обращаться с мечом, а после уходит туда, за ворота. Не возвращается. Финн распряг старую клячу, пустил её пожевать травы, запряг обратно, перекусил хлебом и сыром с куском оленины. Потом поехал обратно.

Обратная дорога по ощущениям длилась чуть дольше, но на деле Финн добрался до гостиницы даже раньше ожидаемого. Переночевал как обычно, в маленькой комнате, но главное, что один. Уснул далеко не сразу, много ходил из угла в угол, много курил, пока не измотался, а там и сон без сновидений. Проснулся уставший.

Позавтракал просто и быстро, по старой привычке даже не почувствовал вкуса. Вышел во двор, к бадье, да поплескал холодной водой на лицо, сполоснул от пота волосы и затылок. Как вода успокоилась, увидел в отражении своё лицо, всмотрелся недоверчиво – не узнал. Старый стал, как ни всматривайся, как не пытайся расслабить лицо. Морщины легли, кожа подоввисла, волосы ещё вот поредели, и поредели сильно. Старым Финн себя все же пока не ощущал, хоть отражению оно и безразлично. По ощущению – не старый.

И не в возрасте дело, просто там действительно совсем другой человек. Кабы не ожоги на руках, так и сам бы засомневался, что в отражении перед ним тот самый Финн Герцог. Может ли этот новый Финн убить человека? Пожалуй. Основная разница, наверное, оказалась в том, что Финн не почувствовал никакого желания это проверить.

Умывшись, Финн вернулся в гостиницу, и стал думать, что дальше делать с жизнью своей и вообще. Стоит ли поискать жениха для Абби в соседних поселениях или даже в городе? Раз уж Оливера больше нет, можно, наверное, поискать подмастерье в помощь, а то работы-то с годами меньше не становится. Ну и раз теперь меньше ртов кормить, то можно было бы и прикупить себе лошадь в пользование, а не у старосты Мёрдока каждый сезон одалживать. Или можно было прикупить стали получше да побольше, попробовать снова мечи делать и прочее оружие. Спрос на них в горах всегда был хороший.

Много о чём можно было подумать.

Не сразу Финн сообразил, что подумать об этом можно и завтра. Ничего не изменится, если он подумает об этом завтра. На один день Финн вполне мог просто остаться один и осмотреться, попробовать самого себя на вкус, как оно ему ощущалось. Тем более, что товара в этот сезон удалось продать с большой прибылью, да и ртов надо меньше кормить – есть немного лишних денег.

Пешком до города Финн дохромал неспешно за час, прошёл через ворота ещё за час – пришлось постоять в очереди. Стражники решили среди многих прочих досмотреть пристально именно эрина, без телеги да без вещей, но с длинной связкой колец на поясе. Долго расспрашивали кто и зачем, прежде чем поняли, что делиться Финн не планирует. Отпустили с предупреждением.

В городе Финн сначала добрался до центральной площади – не ради какой-то цели, а скорее просто не зная, куда бы ещё пойти, да чем бы таким заняться. Прошёл меж рядами, купил в итоге для Абби красивой ткани для платья на выданье, ну или для просто так. И ещё сладость на палочке, в виде лошадки. Потом купил ещё одну сладость для себя, и вроде как было даже вкусно, но Финн толком и не понял, не заметил как осталась лишь палочка, дере-

вянная на вкус. Вспомнился случай, как они с братом варили суп с опилками. Не единичный то, конечно, был случай – сразу вспомнились ещё.

Дошёл до брадобрея, стал выглядеть поприличнее. Потом у сапожника приобрёл хорошую пару – у старых из-за хромоты один каблук уж полностью стёрся, и Финн даже не замечал, как плохо они выглядят, пока не приобрёл новые.

— Старые вам завернуть или...?

— Не надо, — смутился Финн. — Выкинь просто. Ну или что хочешь с ними делай, может можно их перешить там, или что хорошего из них сделать.

Сапожник это старьё осмотрел не больше секунды, а после выкинул. Финну свои старые да верные сапоги стало даже чуточку жалко, как раненых товарищей, которых бросал он на переправе, но он ничего не сказал, пожал мастеру руку и вышел.

Какой-то пришлый торгаш с кожей тёмной, загорелой предлагал цветастые рубахи, красные в том числе – Финн прошёл мимо быстрым шагом. Потом послушал музыкантов в трактире, во время обеда, а когда певица пошла по рядам с шапкой – сыпанул щедро. Она ему улыбнулась, но он отвернулся, сделал вид, что увидел кого-то и всматривается.

Посмотрел товар у местной гильдии кузнецов. Забавно стало, что себя он считал ещё мастером никудышным. Никудышным он и был, но гильдейские-то, видимо, как конкурентов всех или к себе переманили или из города выжили, то совсем уж расслабились. Зато теперь стало понятно, почему городские жители предпочитают давать заказы ему, деревенскому кузнецу – его-то плохая работа хотя бы стоит честную цену.

Может быть это он и есть, когда остаётся один? Кузнец?

Финн быстро отмахнулся от этой мысли. Были в его жизни дела да занятия, что получались несравнимо лучше, чем кузнечное ремесло. Он точно был не эти дела.

В гостиницу он вернулся незадолго до темноты. Поужинал, взял выпить. Кто-то из гостей сдвинул два стола вместе, сели играть в карты, шесть человек. Торговцы, посыльный, пара фермеров с округи – у многих знакомые лица, но не упомянуть имён. Позвали играть и Финна.

Маленькие ставки, лёгкие подначивания, несмешные шутки. Люди просто коротали время и разговаривали, так как игра была лишь поводом и общим делом, ради которого семеро незнакомых мужчин могут сдвинуть вместе столы. Финн и не заметил, как за окном опустилась темнота.

— Не возражаете, если я присоединюсь?

Все подняли головы, Финн в том числе. Увидел того самого мятежника, с которым разговаривал позапрошлым вечером, в городе. Внешностью на Ирвина похож, старосту и контрабандиста. Которого Последняя Стража живьём сожгла, за предательство всего человечества, по доносу кузнеца по имени Финн.

Никто на вопрос горца не ответил, и все сидящие за столом напряглись. Хоть одежда бунтовщика и была идеально чистая, а сам он спокоен и даже весел, было ясно, что тот недавно убил человека, может даже не одного. Запах крови смыть всегда немного труднее, чем пятна, а в пограничных землях каждому этот запах знаком не понаслышке.

Молчание затягивалось. Финн жестом указал на свободный стул:

— У нас свободная страна.

— Как скажешь, мастер кузнец, — улыбнулся налётчик и сел на указанное место. — Второй раз мы с тобой встречаемся, не иначе судьба.

— Значит, встретимся и в третий, — ответил Финн и взял в руки колоду, стал раздавать. По пять карт каждому. Финн глянул на свои – ничего хорошего.

— Меня Рэнальф зовут, — представился налётчик, забирая свои карты, но не утруждаясь посмотреть на них. — Сколько ставка?

— Два железных кольца, — отозвался один из торговцев. — Играем для души.

— Мелочные у вас какие-то души, — Рэнальф положил на стол одно серебряное кольцо.
— Поднимаю.

Все просто по кругу скинули карты, Финн в том числе. Рэнальф улыбнулся, забрал себе весь банк, после чего раздал следующий кон.

— Сопутствует удача в делах? — спросил его Финн.

— Можно сказать и так, — отозвался налётчик, в этот раз всё же посмотрев свои карты.
— Стало лучше.

Снова Рэнальф поставил своё серебряное кольцо, и снова все скинули карты. Посыльный и фермеры ушли, осталась лишь пара торговцев.

— Не лучше ли тогда остановиться? — спросил Финн, рассматривая свою новую раздачу.
— Забрать выигрыш и просто уйти.

— Мой брат всегда говорил, что «лучшее – это враг хорошего».

— Не помню за ним такой фразы.

— Я тоже, — не стал спорить Рэнальф. — Но он мог такое сказать. Умный был человек, и ответственный тоже. Вырастил меня, вместо отца мне был, и это тогда ещё, когда вокруг ничего хорошего не было. «Северная война» – так это в империи называется теперь.

— Война закончилась. Стало лучше.

— Может быть и так. Может быть, теперь всё действительно лучше. Но я помню, что когда был ещё совсем мальчишкой, вся деревня помогла моему брату меня вырастить. А сейчас что?

— Что? — Финн бросил взгляд на хозяина трактира, но тот, пусть и напряженных, к их столу не спешил.

— А сейчас ничего. Никто никому не поможет, все сами по себе, и дети если не твои рядом, то значит они чужие. У нас же в те годы никаких чужих детей не водилось, и чужих людей тоже не было.

— Если ты не кузнец из Эриндаля.

— У нас не было, — Рэнальф подался вперёд, выделяя слово «у нас». — Уверен, у вас, в вашем Эриндале, тоже единства было поболее, пока Его Величество Гарланд Седьмой не поимел вас всех меньше, чем за год. Десять месяцев, эрин, столько вы продержались. Знаешь, сколько держался Хэйденскельд?

Горец аж привстал со своего стула, теряя постепенно своё спокойное хладнокровие. Топор на его поясе висел явно не для красоты, и Финн прикинул, что горец его вытащит ещё до того, как Финн успеет встать. В случае чего придётся оттолкнуться, упасть спиной на пол.

— Три года, восемь месяцев и четыре дня.

— Ты знаешь.

Рэнальф выдохнул, сел на своё место.

— Может, стоит позвать охрану? — спросил один из торговцев.

— Он не делает ничего плохого, — сказал Финн.

— Я не делаю ничего плохого, — согласился налётчик, и вновь поднял ставку не глядя на карты.

Расклад же в руках у Финна был неплохой. Не хороший, но в целом и с такими картами можно играть. Если тебе жить незачем.

— Ты знаешь, сколько мы держались. Не многие горцы знают точное число.

— Может, просто забыли.

Рэнальф пожал плечами:

— Главное, что мы с тобой помним.

Финн посмотрел на это маленькое, блестящее серебряное кольцо. Кинул семь своих медных, чтобы уравнивать. И ещё три сверху. Оба торговца скрипнули стульями, поспешили уйти.

Рэнальф на свои карты так и не взглянул, но извлёк со своего пояса ещё одно серебряное кольцо, покрутил его меж мозолистых пальцев.

— Кажется, мне надо идти, — Рэнальф улыбнулся, встал со своего места.

Свои карты он не просто сбросил, но убрал в колоду и быстро перемешал, чтобы не было никаких шансов узнать, что же это были за карты. Подошёл хмурой хозяин гостиницы, без слов вручил налётчику тяжёлый мешок, который тот принял с благодарственным кивком.

— Бывай, мастер кузнец. Радуйся своему выигрышу. Коли и правда судьба, так ещё свидимся.

Когда он ушёл, Финн быстро собрал свои вещи, отправился в путь верхом почти сразу же, ехал без остановки всю ночь и всё утро.

Глава 3. Свободная страна

В неизбежности мятежа Рэнальф не сомневался ни капли, так что сюрприза не вышло. Вот только он предполагал, что его людям хватит ума взбунтоваться организованно, что сделают они это уже после того, как перейдут границу, и что у недовольных хватит духа сделать это прямо, лицом к лицу. Проснуться с ножом у горла Рэнальф никак не ожидал.

— Из-за тебя шахтёры Шеймуса убили, паскуда, — прошипел убийца ему в лицо гнилым запахом из своего поганого рта.

Лезвие на шее – первое, что Рэнальф почувствовал. Не резало, просто царапины, в качестве предупреждения. Чужое колено придавливало его к земле, правая рука тоже была несвободна, а попробуешь дёрнуться и высвободить – тут-то горло и вскроют. В густом лесу, где они заночевали, и так небанально сыщешь, а тут ещё и облака, пасмурные тучи, того и гляди снег повалит – не видно ни зги. Лицо напавшего – просто месиво темноты.

Впрочем, пока его ещё не убили. Хотят переговоров? Вряд ли, скорее уж убийца хочет, чтобы Рэнальф перед смертью знал и кто его на тот свет отправит, и за какие грехи. Рэнальф очень любил разговорчивых убийц. И раз убийца шепчется, видимо не все тут заодно против вождя вышли, личная прихоть одного человека.

— Шеймуса убили, потому что он, дурак, забыл кому император дома да земли жалует. Солдатам легиона, офицерам. Увидел старика, деревенского старосту, и повернулся к нему спиной, расслабился. Сам себя убил о чужой меч, по большому то счёту.

— Ты нас туда притащил. Паршивая деревня шахтёров, с которых нечего взять. Твои личные счёты.

Теперь Рэнальф его узнал. Мичил, дурак молодой да нетерпеливый, они с Шеймусом кажется вместе пришли. Но дурак или нет, а был он, впрочем, прав, и с деревни шахтёров действительно поживиться оказалось особо нечем, а сами они итогом Шеймуса потеряли зазря, да ещё и шаура. О последнем, впрочем, Рэнальф горевал не сильно.

— И теперь ты меня ночью зарежешь, как шавка трусливая? Ладно, — Рэнальф цокнул языком, как бы говоря «ну что ж тут поделывать». — Позволь только совет тебе дам, напоследок.

— Себе оставь свои советы, ты...

Закончить он не успел, так как топор Бернара ему глубоко в череп вошёл.

— Если убить кого-то хочешь, так убивай, а не языком чеши.

Скинув с себя бездыханное тело, Рэнальф поднялся, оттер с лица чужую кровь, сплюнул пару раз.

— Кажется, он тебя уже не слышит, — заметил Бернар, ногой упираясь в шею трупа, чтобы вытащить своё оружие. — Но совет хороший.

Тут уже и все остальные проснулись, больше половины сразу за оружие схватились, готовые натворить делов. Ну оно и понятно: кто наперёд умеет думать, тот с вольными кланами не пойдёт по горам ползать, без понятной и видимой перспективы. Война – дело молодых и горячих.

Двигаясь неспешно и спокойно, без резких движений, Рэнальф присел на упавшее дерево, возле которого они и заночевали. Осмотрел всех по очереди, достал трубку.

— Значит что, будем друг друга резать, ещё не перейдя границу? — спросил он у всех сразу и ни у кого конкретно. — Нас как раз сейчас все окрестные патрули легиона ищут, хотят на месте порешить, без суда и разбора. Хотите им работы убавить? Или думаете, что племена по ту сторону Граничного Леса вас до костей не разденут, если вы по их землям малым числом пойдёте?

Ответа не последовало, но даже в темноте было видно, как одни тени поворачивают головы к другим теням, ищут второго лидера. К их несчастью. Бернар молча встал по правую руку от Рэнальфа, всё ещё сжимая в руках окровавленный топор.

— Легионеры бы по нашим следам не рыскали, если бы мы шахтёров не положили, — сказал в итоге молодой голос, Финли. — И все мы знаем, почему мы на них набегом пошли.

— Потому что они Ирвина убили, — не стал спорить Рэнальф.

— Твоего брата!

— Одного из нас.

Рэнальф поправил кольцо с маленьким красным камнем, пальцем прикоснулся к табаку в своей трубке, и тот послушно начал тлеть. Маленькое напоминание всем вокруг, что даже когда вождь не держит в руках топор, он вовсе не безоружен. Того, что магии в кольце осталось разве что искры высекать, им знать не обязательно.

— Ирвин был один из нас, свободным человеком, и шахтёры его убили. Оставь это как есть, и скоро все жители с южных склонов Короны скажут, что вольные кланы слабы. Что можно убить свободного человека, и ничего тебе за это не будет, и даже может так выйти, что Железная империя тебе ещё пару серебряных колец за такое дело подкинет.

Горький дым в лёгких помог Рэнальфу держать себя в узде, не заводитьсь. Лидер должен быть уверен в своих силах и решениях, сохранять спокойствие в любой ситуации, если он хочет и дальше оставаться лидером. Это всё не столько даже про реальное положение дел, а скорее вопрос веры.

Пока Рэнальф делал затяжку, никто его не перебивал – хороший знак.

— Но теперь знаешь, что они будут говорить, Финли? Ты знаешь, не так ли?

— Что за смерть одного свободного горца мы спросим со всей деревни, — нехотя признал тот.

— Точно. И когда эта новость разойдётся..., — Рэнальф сделал ещё одну затяжку из трубки, просто чтобы поддержать паузу. — А она обязательно разойдётся, после того, что мы там сделали. И после того, что там осталось.

Послышался согласный ропот. Неуверенный, но согласный.

— Теперь каждый любитель железного сапога на своём горле тысячу раз подумает, прежде чем открывать свой поганый рот. Подумает, стоит ли царапать свои грязные доносы, идти против своих.

— А девчонку мы зачем с собой взяли? — спросил сиплый голос, не иначе как Тихий Брюс.

Все как один повернули голову туда, где сидела, сжавшись в комочек, дочка кузнеца, рыжая и худенькая, костлявая, но с глазищами большими, красивая по-своему. Как Рэнальф её из дома выволок, она так ни слова и не сказала, не кричала даже, и плакала хоть и много, но абсолютно беззвучно. Лишь один раз тихонько пискнула, как испуганный зверёк, когда её из деревни вывели.

Многие, конечно, догадывались, зачем главарь потащил с собой в горы молодую, едва созревшую девку. Многим уже явно не терпелось. Хорошо, что в темноте никто из них не видел, как презрительно скривилось лицо Рэнальфа.

— Кто её хоть пальцем тронет, тому я эти самые пальцы и скормлю. Один за другим, по штуке за каждый приём пищи.

Возражений не последовало. Лишь один осмелился задать вопрос, и, конечно же, это был всё тот же заноза Финли:

— Почему?

Хороший на самом деле вопрос. Рэнальф и сам не знал почему, просто так оно само собой всё вышло. Зашли, расспросили жителей деревни, и те поначалу показали характер, всё ж жители гор, пусть и в кандалах императора. Но в конечном счёте уступили, рассказали

про всех грамотных, кто мог донос в Последнюю Стражу написать, и дальше виновного найти удалось быстро. Желających всей семьёй за эрина погибать не нашлось.

— Ты не слышал, что я про пальцы сказал?

Больше вопросов не было.

Рэнальф затушил трубку, едва слышно выдохнул.

По-хорошему, девчонку надо было убить, так бы оно справедливо вышло. Гвозди и огонь, для ровного счёта. Но было в ней что-то... Хотя бы нож схватила или попыталась ударить его, да хоть бы убежать. А она стояла просто посреди комнаты, слёзы ручьём, но ни звука, ни жеста. Ничего.

Дочка у Рэнальфа тоже не говорит. И вот так же смотрит, и возраст примерно такой же, ну, чуть постарше эта может быть, на год или на два. Интересно даже, признает ли она отца после стольких-то лет, если увидит вдруг перед собой? А он её?

— Не бойся, — сказал Рэнальф дочери кузнеца. — Никто тебя не обидит.

Он отдал ей своё одеяло, чтобы она не мёрзла, перестала дрожать. Потом сам укрыл её, отошёл в сторону, кивнул вставшему на дозор Бернару. Тот кивнул в ответ, а потом сказал тихо, чтобы никто другой не услышал:

— Когда перейдём границу, я ухожу.

Вздыхнув, Рэнальф пару раз хлопнул его по плечу, после чего стал укладываться спать. Небо над высокими соснами оставалось всё таким же тёмным и непроницаемым.

Никаких вопросов старому другу Рэнальф не задал, но тот всё равно решил ответить:

— Мы оба знаем, что набег на шахтёров был не ради общего дела.

Без тёплого одеяла лежать на сырой земле, пусть даже с подстилкой из лисьих шкур, было зябко. Промокший от снега плащ согревал не особо, да и огонь пока разжигать явно не стоит, не по эту сторону границы уж точно. Рэнальф подышал немного на руки, чтобы пальцы не задубели.

— И мы оба знаем, что войну мы проиграли. Может и не когда Высокий Король подписал капитуляцию, и даже не когда имперцы сели за все важные столы, а мы стали считать цену товара в кольцах. Но сейчас это уже точно правда. И мы не можем вечно прятаться от этой правды в горах.

— А что мы можем? — спросил Рэнальф, не поворачивая головы.

— Железным легионам всегда нужны умелые люди из местных. Раз уж Элвуда взяли, значит нужда немалая.

— М-да, это тоже правда. Ты главное помни, что у нас в наших краях холодно всегда, даже летом. И кому железо настолько нравится, что он его на морозе поцеловать захочет, тот рискует в итоге без губ остаться.

Бернар присел неподалёку, всё так же с топором в руках, напряжённый.

— Но отговаривать ты меня не станешь?

— Ты уже всё решил. А мы свободные люди, и у нас тут свободная страна, как говорят. Вольный человек волен и уйти, если захочет.

— Этим, пожалуй, свобода в первую очередь и меряется.

— Возможностью выбрать несвободу?

Бернар пожал плечами.

На том и порешили, и больше разговора на эту тему никто из них не заводил. Через два дня перешли через Хладную реку, и почти сразу же заметили всадников, что держались на расстоянии, но мелькали то тут, то там постоянно. Местные кланы пришли поздороваться.

Это для Рэнальфа все жители гор были почти что братьями, один народ, но для этих пришлые – чужаки. Имперцы, эрины, вореицы, и даже серокожие дэрави – всё одно, и жители Низкогорья в ту же кучу. Рэнальф когда-то такой же был, ещё до войны. Тогда, помнится, и жители соседней деревни своими не считались, время от времени молодой толпой их побивать

немного ходили, а иногда и наоборот – те в гости с кулаками и поленьями приходили. Причины были, но они никому на самом деле были не важны, так как за многие года причин скопилось с запасом. Теперь это всё казалось делом крайне глупым.

Всадники пасли отряд Рэнальфа долго, примеривались небось. С малых групп эти самодовольные ублюдки не стеснялись брать плату за проход, обирая таких же как они горцев с той стороны границы ничуть не хуже, чем имперцев или торгашей. Пожалуй, с жителей Низкого-рья они собирали даже побольше прочих. Так уж повелось, что обитатели Высоких Пиков в Короне своих южных собратьев никогда не жаловали, и это чувство было взаимным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.